

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

УДК 323

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК АТРИБУТ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

© 2009 г.

О.Ю. Шмелева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Ist@fmo.unn.ru

Поступила в редакцию 19.05.2009

Рассматривается понятие «правовой нигилизм» в контексте политико-культурной специфики России; раскрываются причины и факторы укрепления его в массовом сознании, национальные особенности феномена, формы проявления на различных уровнях существования. Анализируется проблема ценностной несоместимости идей гражданского общества и правового нигилизма как ментальной характеристики; комплекс мер власти по борьбе с ним.

Ключевые слова: правовой нигилизм, политическое сознание, правосознание, политико-культурные ценности, гражданское общество.

В гуманитарной науке существует достаточно широкий спектр трактовок понятия «правовой нигилизм». Одни исследователи определяют его как «подсознательную категорию, отрицающую значимость права» [1–3], другие – как «негативное направление общественной мысли, выражающее равнодушное отношение к закону» [4]; третьи – как «превратную форму автономии, самодостаточности индивидуальной и общественной воли, направленную против регулятивного действия норм права» [5]. Но независимо от направления исследовательской деятельности автора, все их можно свести к пониманию правового нигилизма как одной из форм правосознания и социального поведения личности, группы, характеризующейся отрицательным (скептическим) отношением к закону и ценностям права вплоть до полного неверия в его потенциальные возможности решить социальные проблемы.

Можно говорить о нескольких сферах распространения юридического нигилизма: идеологическом, ведомственном и обыденном. Сфера обитания первого – высший уровень общественного сознания, второго – политическая элита, третьего – массовое сознание. Каждая из названных форм правового нигилизма диктует свои проявления последнего на практике. На бытовом уровне скептическое отношение к за-

кону породило характерный для россиян стиль решения проблем, отличающийся апелляцией напрямую к высшим органам власти (челобитные, жалобы, письма во власть), приоритетом радикальных, революционных способов; на уровне политической элиты – умением трактовать закон «как надо», злоупотреблением служебным положением, волонтаризмом в принятии решений, директивным стилем взаимоотношений.

Рассматриваемая негативная форма российского правосознания, по мнению большинства исследователей (О.Р. Гулиной, В.Б. Ткаченко, В.А. Туманова и др.), имеет свою историческую обусловленность, она есть закономерное явление, следствие самодержавного характера правления, лишившего россиян правосубъектности. О слабом развитии в сознании русских идеи личных прав, сверхцентрализации и поглощении личности государством писал Н. Бердяев [6–9]. И.А. Ильин отмечал, что у российского общества всегда были предпосылки для деформации правосознания, связанные с огромными размерами территории, державными и хозяйственными задачами страны, национально-религиозным составом и др. [10].

В этой связи правовой нигилизм является частью российского архетипа наряду с такими чертами сознания, как этатизм, коллективизм,

патернализм и др. С момента образования древнерусского государства имели место попытки формирования подданнической модели взаимоотношений между властью и обществом, уход от вассально-сеньориальных отношений, основанных на двусторонней системе обязательств (Владимир Мономах, Андрей Боголюбский). Однако становление и консервация подданнического типа взаимоотношений, репрессивного характера права, распространенности внеправовых методов решения споров происходили в период монголо-татарского ига (был уничтожен оплот демократии – вече, вассально-дружинные отношения в связи с распространением практики выдачи ярлыков заменялись подданническими, исчезло представление о необходимости баланса прав и обязанностей). Общество, в том числе и политическая элита, придерживалось соглашательской тактики в отношениях с высшей инстанцией, демократические права и свободы, как правило, не завоевывались субъектами политического процесса, как на Западе, а даровались милостью монарха. Церковь также не стала институтом, ограничивающим самодержавие, напротив – выступала оплотом верховной власти. Все это привело к тому, что государство заняло в общественной жизни России доминирующее положение. Оно не только не выросло из гражданского общества, а, напротив, общество развивалось под жестким патронажем последнего. Одним из источников развития правового нигилизма стало также крепостное право.

Следствием всего выше сказанного стало то, что в России, за исключением редких периодов ослабления центральной власти, не существовало отношения к праву как нормам, выработанным самим обществом для разумного и добровольного ограничения произвола. Право рассматривалось как нечто исходящее от государства в лице верховного правителя. Отсюда – свойственное российскому политическому сознанию противопоставление закона и совести. Примат нравственного, христианского сознания над правовым и уверенность в том, что власть в любом случае не будет соблюдать юридические нормы, были характерной чертой российского общества. Национальное понимание сути закона и отношения к нему нашло отражение в фольклоре: «закон – что дышло, куда повернешь, туда и вышло». Советский период не внес в проблему существенных изменений.

Скептическое-недоверчивое отношение к нормам права подпитывалось формально-популистским характером большей части нормативных актов, несовершенством судебной

системы и связанной с ним судебной волокитой, взяточничеством; умением власть имущих, служителей Фемиды трактовать закон «как надо» и обходить его. «Недостатки и ошибки нашей судебной системы способствуют росту правового нигилизма... люди стремятся уйти от сложных судебных процедур. Они боятся, как бы их не засудили. И что самое опасное – теряют уважение к закону», – констатировал в феврале 2008 г. В.В. Путин [11].

Факты злоупотреблений, нарушений нашли отражение в письмах народа во власть за разные хронологические отрезки времени. Последние свидетельствуют о произволе помещиков при разрешении имущественных и поземельных споров, минуя судебные инстанции; обход закона по вопросу межевания земли [12, с. 15]. Буква закона не для всех имела равную силу и в советское время: за одно и то же преступление, по материалам того же источника, могла последовать различная мера наказания (или не последовать вовсе), в зависимости от социального статуса, связей, должности: «...есть факты: одного наказали, другого помиловали, а то и совсем ничего, как с гуся вода; ...если кум да сват, то хорошо разговаривают, если бедняк, то дурной и ничего не понимает, твое дело молчать» [12, с. 140].

Кроме того, укреплению правового нигилизма в массовом сознании россиян на современном этапе способствовали мероприятия перестроечного и постперестроечного времени, нередко сопровождавшиеся «войной законов», межнациональными конфликтами, падением государственной дисциплины, противостоянием законодательной и исполнительной власти. Возьмем в качестве примера региональную политику 1990-х гг. Основу отношений между Центром и периферией составляли преимущественно неформальные политические и экономические связи, а не конституционные и юридические нормы. Как полагают некоторые исследователи, власть была уверена в том, что при необходимости сможет восстановить контроль над республиками в обход ранее принятых правовых норм [13]. Таким образом, анализ правовых и политических аспектов взаимоотношений национальных образований с Центром позволяет говорить о сохранении такой характеристики политической культуры, как правовой нигилизм.

Консервирующими факторами правового нигилизма в постсоветской России выступают коррупция, организованная преступность. По данным различных источников, в том числе и зарубежных, около 30% сотрудников милиции

занимаются прикрытием. По данным ГУБОП за 1998–1999 гг. к уголовной ответственности были привлечены 36 руководителей федерального и регионального уровней: 3 губернатора, 19 вице-губернаторов, 7 мэров, 5 вице-мэров, 1 спикер, около 15 региональных министров за получение взяток и хищение бюджетных средств. За 6 месяцев 2006 года были осуждены 200 должностных лиц, в их числе и чиновники федерального министерства – заместитель начальника департамента финансового контроля министерства промышленности. В 2007 г. Россия резко опустилась в рейтинге индекса коррупции, составленного организацией Transparency International со 126-го места, занимаемого в 2006 году, на 147-е из 180 [14].

Но названные негативные явления имеют место и на Западе. Достаточно вспомнить коррупционные скандалы в Италии, США, Японии и других странах. В Японии характерным явлением политической жизни последних десятилетий стали непрекращающиеся коррупционные скандалы, в которых оказались замешаны высшие деятели либерально-демократической партии. Операция начала 1990-х годов в Италии по борьбе с коррупцией «Чистые руки» привела на скамью подсудимых многих видных политиков. В этот период времени в Италии получил распространение термин «взяточград», связанный с разоблачениями политической коррупции [15]. Впервые за всю историю Италии премьер-министром стал человек, замешанный в коррупционных скандалах, подкупе судей, отмывании денег и пр., против которого были возбуждены уголовные дела. Многие итальянцы считают, что Италия – особая страна, где коррупция, подкупы, взяточничество и другие нарушения закона – в порядке вещей. Однако там иное отношение к закону, нет столь высокого и перманентно устойчивого уровня недоверия правоохранительной и судебной системам. Данный факт позволяет говорить о существенной роли субъективных факторов (особенности национального характера, менталитет, исторические традиции и пр.) в развитии правового нигилизма на российской почве.

Проблема правового нигилизма как устойчивого атрибута массового сознания россиян на протяжении последних пятнадцати лет находится в фокусе внимания политиков, ученых, журналистов, общества в целом. Еще в 1992 году Конституционный суд РФ констатировал, что на почве противостояния ветвей власти, различных политических сил, неисполнения указов президента и правительства, попрания конституционных принципов, роста социаль-

ных, национальных, религиозных противоречий в обществе усиливается правовой нигилизм [16]. В 1994 году аналогичные оценки ситуации звучали из уст депутатов верхней палаты парламента. Концепция национальной безопасности, утвержденная В.В. Путиным 10 января 2000 года, рассматривает данный феномен как одну из угроз личности, обществу, государству [17]. В 2004 году В.В. Путин продолжал констатировать неблагоприятную ситуацию в законодательной и правовой сферах, отмечая, что «Конституция страны и федеральные законы утратили во многих регионах качество актов высшей юридической силы. Региональные парламенты принимали законы вразрез с конституционными принципами и федеральными нормами. Федеральные акты принимались избирательно, что называется, по собственному усмотрению. И неизбежным следствием такой «конкуренции» стал произвол властей, от которого страдали люди» [18]. Д.А. Медведев также неоднократно высказывался об истоках и пагубных последствиях правового нигилизма для развития гражданского общества, заявляя о необходимости «исключить нарушение закона из числа негативных национальных привычек» и «добиваться истинного уважения к юридическим нормам и преодолевать правовой нигилизм» [19].

Столь пристальное отношение к деструктивной форме российского правосознания можно объяснить тем, что в условиях декларируемого властью стремления к построению в РФ гражданского общества правовой нигилизм выступает серьезным камнем преткновения на пути реализации обозначенного курса. Последнее предполагает наличие таких составляющих, как: незыблемость прав и свобод граждан, равенство их в юридически-правовом отношении перед законом, функционирование независимых от государства организаций, служащих для индивида источником власти и механизмом контроля над ней и пр. Но на протяжении длительного времени комплексная и целенаправленная работа в данном направлении, законодательная база, практические шаги власти отсутствовали.

Только в декабре 2008 г. был принят Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» и ратифицированы Конвенции ООН от 31 октября 2003 г. «О противодействии коррупции» и от 27 января 1999 г. «Об уголовной ответственности за коррупцию». В октябре 2005 г. распоряжением правительства № 1789 был одобрен Национальный план противодействия коррупции. Антикоррупционный потенциал

заложен в административной реформе 2006–2010 гг. [20–22].

Комплекс мер по борьбе с несовершенством законодательства и повышением авторитета права в обществе предполагает модернизацию системы государственного управления, регламентацию деятельности госслужащих; предупреждение и борьбу с коррупцией путем материального стимулирования, выработку мер законодательного обеспечения противодействия злоупотреблениям; усиление полномочий прокуратуры в решении социальных вопросов граждан. Целая серия предложений касается устранения недостатков в судебной системе и обеспечения ее независимости путем искоренения практики неправосудных решений по «звонку», «за деньги»; материальной компенсации гражданам и организациям потерь от незаконных решений и волокиты в судах из специально созданного фонда, гуманизации правосудия [11].

Но стоит отметить, что некоторые из предложений президента РФ, касающиеся, в частности, последнего тезиса, идут вразрез с общественным мнением. По результатам социологических опросов, в массовом сознании укрепился «авторитарный синдром», население оказалось склонно к принятию идеологии авторитаризма. Под «авторитарным синдромом» понимается совокупность ценностных установок сознания, связанных с ростом этатистских, патерналистских, националистических настроений, централизацией управления, стремлением видеть государство собственником ключевых отраслей экономики и др. 66% полагают, что стране нужны не столько законы и политические программы, сколько сильные, энергичные лидеры, которым бы народ доверял. Россияне готовы пожертвовать некоторыми своими правами и свободами ради наведения порядка и стабильности на территории РФ. Для достижения этой же цели целесообразными представляются идеи ужесточения наказаний как эффективный инструмент снижения преступности (75%), допустимости держать человека в тюрьме без суда (73%). По ряду позиций националистическим и авторитарным ценностям симпатизируют 60–75% соотечественников [23]. Склонность россиян к авторитарному мышлению питает почву для правового нигилизма в РФ и выступает одним из препятствий на пути реализации цели правительства по искоренению правового нигилизма.

Вторая проблема состоит в том, что рассматриваемая форма правосознания глубоко укоренена в умах существенной части представителей власти и госаппарата. Об этом можно

судить по скептическим оценкам и высказываниям политиков касательно некоторых конституционных норм; отдельным поведенческим моментам (в частности, враждебно-агрессивному отношению к экономической элите). Показательно в этом отношении «дело ЮКОСА», подорвавшее ростки доверия российского делового сообщества к власти и судебной системе в частности. Политические воззрения некоторых современных политиков сводятся к необходимости концентрации власти в одних руках и подаются как наиболее эффективный и оптимальный способ управления. Но они противоречат конституционным нормам государства, хотя рациональны и актуальны в условиях усиления так называемого «авторитарного синдрома» в российском обществе.

Умение трактовать закон «как надо» и обходить его демонстрируют в России не только политики, но и юристы. В ноябре 2008 г. Министерство юстиции отказало М. Касьянову в регистрации движения «Российский народно-демократический союз» под предлогом того, что его наименование содержит указание сразу на две организационно-правовые нормы – движение и союз. Данное обстоятельство, по мнению ведомства, противоречит закону «Об общественных объединениях». Но современной политической истории России известен опыт существования общественных организаций, в названии которых фигурируют одновременно оба слова [24].

На бытовом уровне правовой нигилизм проявляется в перманентно устойчивом уровне недоверия судебной системе, закону и падении авторитета последних в глазах социума на протяжении последнего десятилетия. В 2000 г. 90% респондентов на вопрос: «Как за последние десять лет в России изменилось уважение к закону?» – ответили, что ослабло. 6% сочли, что не изменилось. С другой стороны, названные обстоятельства сделали популярными идеи правопорядка, законности (39% в 2000 г. отдавали им предпочтение, оставив позади стабильность – 36%, державность – 23%). Уровень неодобрения россиянами деятельности правоохранительных органов и судебной системы страны остается достаточно высоким, несмотря на наметившуюся тенденцию к снижению недоверия. В январе 2006 г. он составил 57%, в январе 2007 г. – 51%, в январе 2008 г. – 45%, в июне 2008 г. – 50%; касательно судебной системы соответственно – 51, 43, 41 и 46%. Данные исследования ВЦИОМ, проведенного в ноябре 2007 года по инициативе Общественной палаты, показали, что более трети россиян не рассчитывают на

справедливое решение при обращении в суд. Почти половина населения страны уверены, что главное препятствие в работе судей – давление со стороны властей, недобросовестность и взяточничество самих служителей Фемиды [25–27]. Россия остается лидером терпимого отношения к ряду противоправных деяний. Ее граждане в среднем в два раза чаще жителей западноевропейских стран оправдывают сопротивление полиции, в 1,5 раза чаще – уклонение от уплаты налогов.

Правовой нигилизм находит выражение в усилении настроений социальной пассивности, проявления социальных болезней – наркомании, росте суицидов и пр. В настоящее время последний приобрел качественно новые свойства, которыми не обладал ранее, изменилась его природа, сферы влияния, он приобретает «стихийный характер, превращаясь в правовой беспредел» [28].

Выводы. 1. Правовой нигилизм в России – явление исторически обусловленное, ставшее частью национального менталитета. В этой связи задача президента по его искоренению с целью развития гражданского общества в России представляется сомнительной. Более того, общество не предрасположено к принятию полного набора либерально-демократических ценностей, о чем свидетельствует актуализация «авторитарного синдрома» в массовом сознании.

2. Господство «авторитарного синдрома» в политической культуре современной России создает почву для укрепления правового нигилизма и «управляемой демократии» в обществе. Кроме того, специфическое отношение к праву породило в России особый тип взаимоотношений между властью и обществом, основанный преимущественно не на формально-правовых актах.

3. Проведение политики по борьбе с правовым нигилизмом необходимо строить с учетом национальных традиций, особенностей политической культуры, специфики менталитета нации в целях повышения ее эффективности.

Список литературы

1. Грудцына Л.Ю. Правовой словарь. М.: ЭКСМО, 2008. С. 652.
2. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: ЭКСМО, 2005. С. 674.
3. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб./ Под ред. проф. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА, 2006. С. 572.
4. Большая юридическая энциклопедия. М.: ЭКСМО, 2005. С. 458.
5. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 527.
6. Гулина О.Р. Феномен нигилизма в правосознании русского народа // <http://www.irex.ru/press/pub/polemik10/gul> (дата обращения: 13.12.2008)
7. Ткаченко В.Б. Российский правовой нигилизм. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 7–8, 76–77.
8. Туманов В.А. О правовом нигилизме // www.ufnovgu.narod.ru.
9. Бердяев Н. Судьба России: Ответы по психологии войны и национальности. М.: Философское общество СССР, 1990. С. 63.
10. Ильин И.А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней / Сост. Ю.Т. Лисица. М.: Русская книга, 2001. С. 11–12, 84–85, 205, 209.
11. Д. Медведев расставил точки над «и». Преемник В. Путина остался верен обещаниям // Коммерсант. 2008. № 26. 16 февраля. С. 1–2.
12. Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост. С.С. Крюкова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 15, 140.
13. Бабаев С.А. Этническое измерение политической культуры современной России. Автореферат... канд. полит. наук. СПб., 2000. С. 15–16.
14. <http://www.akb.su/index.php?id=52>; http://www.rf.agency.ru/acn/stat_ru (дата обращения: 27.01.2009)
15. Современная Италия: Сб. обзоров и рефератов / Ред.-сост. В.П. Любин, отв. ред. Е.А. Нарочницкая. М.: РАН ИНИОН, Центр научно-информацион. исследов. глобальных и региональных проблем, 2004. С. 44, 87.
16. Заявление Конституционного суда РФ от 26 июня 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации. 1992. № 27. Ст. 1572.
17. Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). № 2. Ст. 170.
18. «Это то, с чем мы столкнулись». Выступление В.В. Путина перед доверенными лицами 12 февраля 2004 г. // Россия – XXI век: взгляд В.В. Путина / Сост. А.В. Филиппов. Курск: ООО «Полстар», 2005. С. 28; <http://www.gian.ru/politics/20080507/106773965.html> (дата обращения: 13.12.2008)
19. В обществе Д. Медведева // Российская газета. 2008. № 12 (4569). 23 января.
20. Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. // СЗ РФ. 2008. № 5. Ч. 1. Ст. 6228.
21. Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в связи с принятием закона «О противодействии коррупции» № 274-ФЗ от 25 декабря 2008 г. // СЗ РФ. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6229.
22. Изменения в Федеральном законе о прокуратуре // СЗ РФ. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6235.
23. Урнов М., Касамара В. Современная Россия: вызовы и ответы: Сборник материалов. М.: ФАП «Экспертиза», 2005. С. 47–48.
24. Куклюевский А., Камышев Д. День дышла // Власть. 2008. № 47. С. 34.

25. Современная российская политика: Курс лекций/ Под ред В. Никонова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 176, 177–178.

26. <http://wciom.ru/novosti/reiting/reiting-obshchestvennykh-institutov.html> (дата обращения: 13.12.2008)

27. <http://www.rbcdaily.ru/2007/11/26/focus/305101> (дата обращения: 13.12.2008).

28. Потякин А.А. Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания // Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. С. 350–351.

LAW NIHILISM AS AN ATTRIBUTE OF RUSSIAN POLITICAL CONSCIOUSNESS

O.Yu. Shmelyova

The concept of «law nihilism» is examined in the context of political and cultural specificity of Russia; the reasons and factors of its consolidation in mass consciousness, national features of the phenomenon; forms of its manifestation at various levels of existence are revealed. The problem of incompatibility (in terms of values) of the ideas of civil society and law nihilism as a mental characteristic is analysed. A set of measures on the part of the authorities to combat this phenomenon is considered.

Keywords: law nihilism, political consciousness, legal awareness, political and cultural values, civil society.